

Научная статья
УДК 811.512.155'367
DOI 10.18101/2686-7095-2023-3-71-78

СОНОМИМЕЫ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ В ШОРСКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ

© Косицина Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета
Россия, 654035, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23
gutfroind@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования сономимем как этнокультурных маркеров в русскоязычных текстах шорских писателей-билингвов: Ф. С. Чиспиякова, С. С. Тотыша, Г. В. Косточакова. Представлена классификация сономимем в когнитивно-семантическом аспекте, согласно которой они делятся на эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные сономимемы выражены шорскими лексическими единицами и непосредственно выявляются на русскоязычном фоне. Функционируют как конвенциональные звукоподражания и как окказиональные звукосимволические образования шорского языка, как контаминации русских и шорских языковых единиц. Имплицитные сономимемы выражены лексическими единицами русского языка и обнаруживаются в русскоязычном тексте только с учетом контекста и при наличии специальных фоновых знаний. Представляют собой окказиональные лексические единицы русского языка, а также являются предметом метаязыкового высказывания.

Ключевые слова: русскоязычный текст, шорская литература, литературный билингвизм, этнокультурные маркеры, сономимемы.

Для цитирования

Косицина Ю. В. Сономимемы как этнокультурные маркеры в шорской русскоязычной прозе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 71–78.

Шорская литература с момента своего возникновения являлась преимущественно русскоязычной: для ее представителей характерен национально-русский билингвизм, при котором первым компонентом — родным языком — является шорский язык, вторым компонентом — русский язык. В русскоязычном тексте шорского писателя выделяются этнокультурные маркеры, которые воспринимаются носителями русского языка как «отголосок» бытия иной культуры, иного жизненного уклада» [3, с. 198].

К этнокультурно маркированным языковым средствам относятся мимемы, или звукообразно-подражательные слова, которые «аккумулируют в своем облике сознание носителя каждого конкретного языка» [2, с. 79]. Термином «мимема» обозначают языковые единицы, воплощающие различные звуковые явления или зрительно-образные представления, «возникающие у человека при соприкосно-

вении с миром объективной действительности»¹. Разновидностью мимем являются сономимемы — «подражание произвольным или непроизвольным выкрикам человека, производящим различные его действия или состояния..., а также различные звуки живой и неживой природы»².

Цель данной статьи — выявить особенности функционирования сономимем как этнокультурных маркеров в шорской русскоязычной прозе.

Материалом исследования являются прозаические русскоязычные произведения шорских писателей-билингвов: Ф. С. Чиспиякова (1906–1972), С. С. Тотыша (1907–1981), Г. В. Косточакова (р. 1959).

Исходя из классификации звукоподражаний Ю. В. Казарина, основанной на соотношенности слова с акустическим денотатом, в шорской русскоязычной прозе фонетическая картина мира представлена преимущественно зоофактами — звуками, производимыми живыми существами (не человеком), передающими движение, взаимодействие, поедание и т. п., а также собственно голоса животных [4, с. 163].

В рамках когнитивно-семантической классификации этнокультурных маркеров сономимемы делятся на два типа — эксплицитные и имплицитные. Эксплицитность сономимем в шорском русскоязычном тексте проявляется в их чужеродности для читателя — носителя русского языка. Эксплицитные сономимемы представляют собой варваризмы — слова и выражения языка-источника (шорского языка), функционирующие в русскоязычном тексте как продукты речевой деятельности и факты языкового сознания носителей шорской языковой культуры, ср. в бурят. языке [10].

Эксплицитные сономимемы в шорской русскоязычной прозе можно разделить на два типа: узуальные и окказиональные.

1) узуальные сономимемы являются частью лексической системы шорского языка. Это так называемые словарные, конвенциональные слова, «однозначно выявляющие объект-источник звучания» [19, с. 49]. Примерами таких звукоподражаний являются лексемы *та-арт*, *как-куук* в повести Ф. С. Чиспиякова «Кинэ».

Ближе к болоту слышнее крик дергача: Та-арт! Та-арт! [14, с. 10].

Звукоподражание *та-арт*, отсутствующее в русском языке, созвучно с шорской лексемой *тарт* — «тянуть, тащить» [7, с. 52]. Лексема *тарт*, являясь глагольной основой, в шорском языке совпадает с формой повелительного наклонения глагола 2-го лица единственного числа [15, с. 227]: сономимема *тарт* переводится на русский язык как «тяги», «тащи». В связи с этим становятся понятны слова главной героини, являющиеся реакцией на крик птицы, переданный в тексте звукоподражанием: *Медведь в болоте утонул, дергач один никак не может вытащить! Помогу-у! — с хохотом бежит Кинэ* [14, с. 10]. Не случайно в хакасском языке слово *таарт* является существительным в значении «коростель (птица)»³, «дергач» [5, с. 212], а лексема *таарт-таарт* выступает как звукоподражание крику коростеля, ястреба⁴.

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Москва: Наука, 1988. С. 517.

² Там же. С. 517–518.

³ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск, 2006. С. 567.

⁴ Там же. С. 567.

Эксплицитная сономимема *таарт-таарт* в тексте Ф. С. Чиспиякова употребляется в двух функциях: в собственно номинативной и в образно-описательной (характеризующей). С одной стороны, является элементом лексической системы шорского языка и называет явление объективной действительности, раскрывая особенности мировосприятия носителя шорской этнолингвокультуры. С другой стороны, выступает средством характеристики образа Кинэ: представляет главную героиню как человека, близкого к природе, умеющего заметить и понять многообразие и красоту окружающего мира.

Как-куук! Как-кууук! — *кого-то проклинала кукушка* [14, с. 79].

Сономимема *как-куук* (ср. с шорским *қақ-қуқ* — «кукушка» [7, с. 21]) в данном текстовом фрагменте представляет собой фонетически и графически освоенный варваризм (буква *у* заменена буквой *у*, звук [ү] — звуком [у]) и, являясь отражением шорского языкового сознания, выполняет собственно номинативную функцию. Эксплицитность этнолексемы связана с тем, что в языковом сознании носителя русского языка звуки, издаваемые кукушкой, передаются звукоподражанием *ку-ку* [9, с. 146]. Появление в русскоязычном тексте сономимемы *как-куук*, структура которой соответствует мимемам тюркских языков, вызывает у читателя эффект «отстранения».

2) окказиональные сономимемы, или неконвенциональные, индивидуально-авторские, употребляются для передачи звуков с точки зрения восприятия героев произведения — носителей шорской лингвокультуры, являются способами создания «дополнительных смыслов на основе звуковой ассоциативности» [1, с. 30].

Окказиональные сономимемы в шорской русскоязычной прозе с точки зрения способа выражения делятся на две группы:

а) сономимемы, представляющие собой слова и выражения шорского языка. Примеры мы можем наблюдать в повести Ф. С. Чиспиякова «Кинэ».

Пай-пай-на-ай? — *с тревогой спрашивал зяблик из глубины чащи* [14, с. 79].

Сономимема *пай-пай-пай*, передающая звуки, издаваемые зябликом, по своему графическому и фонетическому облику совпадает с шорским междометием *пай-пай*. Значение данной лексемы соответствует русскому междометию «ай-ай» [7, с. 39], выражает удивление и/или порицание [15, с. 192]. Звукоподражание *пай-пай* выполняет в тексте образно-описательную функцию, выступая средством характеристики Чагыса, одного из главных героев повести. Указанная мимема возникает в тексте как порождение сознания героя, который воспринимает окружающий мир, в том числе природный, как враждебный. Чувства, выраженные в звуках птицы, отражают состояние потерянности, недоумения, безысходности, переполняющие самого Чагыса в связи с неизбежной утратой любимой.

Вокруг назойливо носится пеночка-теньковка с одной и той же песенкой. Чагысу слышится: Ичиккей чагбас! Ичиккей чагбас! [14, с. 79].

Выделенное звукоподражание по форме представляет собой простое предложение, которое на русский язык можно перевести как «Дождь не пойдет» (в примечании автора — «дождя не будет» [14, с. 79]). Данную мимему можно обозначить как элемент текстового фоносемантического пространства, в котором «приемы и способы фонетического уровня текста...несут определенный семантический потенциал, способствующий образованию смысла...» [1, с. 30]. Фонетический уровень образует уровень семантический, формируя смысл высказывания: сономимема *ичиккей чагбас*, представленная в тексте через сознание героя —

носителя шорской лингвокультуры, является результатом «переработки и оценки звуковой субстанции воспринимающим сознанием...» [1, с. 32–33]. В данном случае можно говорить о проявлении синестемии: «в номинации важную роль играет не только сенсорная, но и эмоциональная сфера» [18, с. 65]. Семантика «дождя не будет» связана с эмоциональным состоянием Чагыса, обеспокоенного, что погибнут посевы и его жена будет голодать;

б) сономимемы, представляющие собой контаминацию шорских и русских языковых единиц.

Ярким примером подобных звукоподражаний являются слова-высказывания в рассказе Г. В. Косточакова «Бурундук и родина» из сборника «Ветер, медведь и другие люди» [6]. Бурундук обращается к родине с приветствием и признанием в любви, ответы родины являются сономимемами, передающими звуки природы.

– *Здравствуй, родина!* — *закричал как-то бурундук, полный восторга.*

– *Ээ-зен-здрав-урод!* — *ответила ему родина шорохом хвои и листьев* [6, с. 29].

Выделенная сономимема соединяет шорское междометие *эзен* в значении «здравствуй» [7, с. 72] и две русские лексемы, одна из которых является усеченной.

На предложение бурундука принять в подарок орехи родина ответила: «*Эх-аалыг, урод, дюррак, воо-зъму!*» [6, с. 30]. В данном примере наблюдается два этнокультурно-маркированных элемента: шорская лексема *алыг* (шор. *алыг* — «дуррак, глупый» [7, с. 16]) и фонетически искаженная русская лексема *дюррак*. Для фонетической системы русского языка сочетание [д'у] нехарактерно, однако наличие в шорском языке фонемы <ў> делает такое сочетание закономерным в данном контексте (ср. *тўдўн* «дым», *ўдўре* «напротив», *ўдўреле* «встречать» [8, с. 56, 59] и др.).

Шорские лексические и фонетические элементы в рассказе Г. В. Косточакова, являясь этнокультурными маркерами в пространстве русскоязычного текста, создают образ родины — Шории. Этнолингвемы выражают одновременно комичность и трагизм образа бурундука, не принятого и не понятого родиной. Сономимемы провоцируют «когнитивную деятельность читателя по реконструкции целостного смысла текста» [1, с. 33].

Пример сономимемы-контаминанта также наблюдается в сказке С. С. Тотыша «Ленивый бурундук» из сборника «Сказки Шапкая» [11]. Звукоподражания выделяются в речи героев-животных — в диалоге Белочки и Бурундука. Белочка призывает Бурундука познать природный мир, насладиться его дарами.

– *Цок-цок!* — *удивилась Белочка.* — *Ты почему в такое страдное время сидишь и дремлешь?*

– *Ци!* — *улыбнулся Бурундук.* — *Когда сильно жарит солнышко, я всегда выхожу из норы и сажусь здесь.*

– *Цок-чек!* *Больной что ли?*

– *Цу! Нет,* — *ответил Бурундук.* — *Просто набираюсь тепла, чтобы зимой не замерзнуть.*

– *Чек-цок!* *Какой толк от безделья?* [11, с. 15]

В приведенном фрагменте сономимемы представлены в репликах Белочки. В первом предложении использовано русское звукоподражание *цок-цок*, выражающее звуки, издаваемые белкой [17, с. 189]. Однако далее возникают лексемы

цок-чек и *чек-цок*, образованные сложением двух слов. Элемент *чек* как составная часть звукоподражаний не входит в лексическую систему русского языка. Можно предположить, что данное слово используется как этнокультурный маркер и соотносится с двумя шорскими лексемами — существительным *чек* в значении «презрение» [7, с. 62] и наречием *чѳѳк* в значении «почему» [7, с. 64]. Обе версии оправданы, так как точно передают чувства Белочки — удивление, смешанное с презрением.

Таким образом, эксплицитные сономимемы выступают в шорской русскоязычной прозе как фоносемантический комплекс, как проявление «контекстуального звуко-символизма» [1, с. 30].

Имплицитные сономимемы представлены языковыми единицами языка вторичной культуры (русского языка), выражающими этнокультурное содержание опосредованно, в связи с чем воспринимаются в русскоязычном пространстве текста как «свои». Имплицитные сономимемы делятся на две группы с точки зрения контекста употребления.

1. Сономимемы, употребляющиеся в рамках метаязыкового высказывания.

В повести Ф. С. Чиспиякова «В долинах Мрас-Су» в речи главного героя содержится описание особенностей восприятия шорских звукоподражательных слов:

– *Эта птичка, — показал он пальцем на бекаса, — летая, говорит: «У перепелки пятеро птенцов, у меня только один». Когда падает вниз, кричит: «Умру! Умру!», а когда, испугавшись смерти, полетит вверх, отказывается: «Нет, нет, нет, души жалко, души жалко!»* [13, с. 46].

В данном текстовом примере дается мифопоэтическое толкование сономимем, передающих крик бекаса, которое восходит к традиционным представлениям шорцев о животном мире. Употребление указанного метаязыкового фрагмента в других текстах шорской литературы позволяет говорить о его прецедентном характере:

Бекас взвился ввысь со своей воздушной песенкой. Кинэ кричит ему:

– *У перепелки пятеро птенцов, у тебя только один!* (Ф. С. Чиспияков. «Кинэ») [14, с. 10].

Там и тут слышится «качак-качак, качак-качак»: это бекасы сокрушаются. Об этом у нас говорят: бекас, не имея детей, в горе кричит:

– *У перепелки пятеро детей, у меня, бедного, один!*

Тут же опускается вниз с криком:

– *Умру, умру!*

Умереть-то не умирает: не долетев до земли, поднимается вверх:

– *Души жалко, души жалко!* (Ф. С. Чиспияков. «Рассказы о природе») [16, с. 410–411].

2. Окказиональные сономимемы, являющиеся лексическими единицами русского языка, но при этом отсутствующие в общепринятой узуальной системе русских звукоподражаний.

Примером являются сономимемы в прозе С. С. Тотыша, обозначающие звуки, издаваемые журавлем. В сказке «Как птицы паштыка выбирали» в речи журавля употребляются звукоподражательные слова *т-ру*, *тр-у*, *тру*.

– *Т-ру, тру!* — *обрадовался журавль, увидев творца птиц.*

– *Тр-у!* — *закричал журавль. — Значит, паштыка выбирать?*

– *Тру, тру, тру! Собирайтесь скорей, паитыка выбирать будем!* [11, с. 24–25].

Варианты данной сономимемы можно наблюдать в книге С. С. Тотыша «Сын тайги», где крики журавля представлены в восприятии носителей шорского языка — старика Постана и его внука Анчола.

Вдруг вдали стали раздаваться громкие мелодичные звуки:

– *Тру-рык, тру-рык* [12, с. 73].

Данная сономимема естественно вписывается в русскоязычный текст и не воспринимается как этнокультурный маркер. Однако в русском языке для обозначения крика журавля употребляется звукоподражание *курлы* [9, с. 153]. В связи с этим можно говорить о том, что употребление в шорской русскоязычной прозе мимемы *тру* и ее вариантов является средством этнокультурной маркированности, возможно, отсылающим к шорской лексеме *туруна* — «журавль» [7, с. 56].

Примером сономимемы с имплицитной этнокультурной маркированностью является также лексема *кух-кух* в тексте С. С. Тотыша, передающая звук прыжка белки:

*Наконец до моих ушей донеслись из-за деревьев тихие-тихие звуки: **кух-кух**.*

– *Запомни, — сказал дед, — это белка прыгает с дерева на дерево* [12, с. 7].

Данная мимема отсутствует в лексической системе русского языка, однако в контексте произведения соотносится с лексемой *кухта*: *По **кухте** видно: зверек перепрыгнул на осину, а оттуда на ель и прошел поверху* [12, с. 7]; *Сначала хорошо определял, где прошел зверек, — по свежей **кухте**, сорвавшейся с веток* [12, с. 8]. Слово *кухта* в сибирских говорах употребляется в значении «рыхлый снег на ветвях деревьев, на земле» [8, с. 109]. Поэтому в контексте регионального языкового пространства звукоподражание *кух-кух* можно рассматривать как производное от данного существительного и конкретизировать лексическое значение: *кух-кух* — «звуки прыжка белки по ветвям, покрытым снегом». Таким образом, указанная сономимема выполняет характеризующую функцию, подчеркивая особое умение героя — опытного охотника — услышать, понять, почувствовать мир животных.

Появление в русскоязычном тексте сономимем, выходящих за рамки звукоподражательной системы русского языка, отражает особенности мировосприятия носителей шорской лингвокультуры, для которого характерны тесная связь человека и природы, признание многообразия, богатства природного мира.

Функционирование сономимем как этнокультурных маркеров в русскоязычной прозе шорских писателей характеризуется следующими особенностями. Как эксплицитные маркеры сономимемы, соотносясь с лексическими единицами шорского языка, являются отражением звуко-символизма, формируют аттрактивную смыслообразующую языковую игру — контаминацию шорских и русских языковых элементов, что способствует постижению идейно-концептуального уровня текста. Как имплицитные этнокультурные маркеры сономимемы в рамках метаязыкового высказывания отсылают к мифопоэтическим представлениям шорцев о природе, отражают своеобразие национальной звуковой картины мира.

Литература

1. Братчикова Е. А. Фоносемантическое пространство как категория стихотворного текста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3–2. С. 29–33. Текст: непосредственный.
2. Голубева Е. В. Универсальные и национальные культурные особенности звукоподражаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Ч. 2, № 9(51). С. 77–80. Текст: непосредственный.
3. Дианова Л. П. Функции заимствованной лексики в текстах билингвального автора // Полилингвальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 2. С. 194–206. Текст: непосредственный.
4. Казарин, Ю. В. Проблемы фоносемантики поэтического текста: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 171 с. Текст: непосредственный.
5. Каксин А. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2020. 224 с. Текст: непосредственный.
6. Косточаков Г. В. Отчизна моя таежная: в 3 кн. Кн. 1: Ветер, медведь и другие люди (схожие рассказы). Кемерово: Кузбасс, 2020. 288 с. Текст: непосредственный.
7. Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шор қазақ пазок қазақ-шор үргедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. 149 с. Текст: непосредственный.
8. Словарь русских говоров Кузбасса (с дополнением) / под редакцией Н. А. Баланчика и Н. В. Жураковской. Новокузнецк; Красноярск: Изд-во НФИ КемГУ, 2018. 410 с. Текст: непосредственный.
9. Словарь русского языка: в 4 томах / под редакцией А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984. Т. 2. 794 с. Текст: непосредственный.
10. Сундуева Е. В. Манифестация грусти в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 4. С. 20–26. Текст: непосредственный.
11. Тотыш С. С. Сказки Шапкая. Переиздание. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1985. 80 с. Текст: непосредственный.
12. Тотыш С. С. Сын тайги. Рассказы. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1980. 171 с. Текст: непосредственный.
13. Чиспияков Ф. С. В долинах Мрас-Су. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1957. 176 с. Текст: непосредственный.
14. Чиспияков Ф. С. Кинэ: повесть. Новокузнецк, 2001. 111 с. Текст: непосредственный.
15. Чиспияков Э. Ф. Учебник шорского языка: пособие для преподавателей и студентов. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. 318 с. Текст: непосредственный.
16. Чиспияков Э. Ф. Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 440 с. Текст: непосредственный.
17. Шляхова С. С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2004. 226 с. Текст: непосредственный.
18. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику: учебное пособие. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2003. 217 с. Текст: непосредственный.
19. Шаронов И. А. Звукоподражательные слова и эмоциональные междометия // Вопросы филологии. 2009. № 3(33). С. 48–52. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

SONOMIMEMES AS ETHNOCULTURAL MARKERS
IN SHOR RUSSIAN-LANGUAGE PROSE

Yulia V. Kositsina

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof. of Russian Language and Literature Department,
Kuzbass Institute of Humanities and Pedagogics at Kemerovo State University
23 Tsiolkovskogo St., Novokuznetsk 654035, Russia
gutfroid@mail.ru

Abstract. The article discusses the peculiarities of functioning sonomimes as ethnocultural markers in the Russian-language texts of Shor bilingual writers (F. S. Chispiyakov, S. S. Totysh, G. V. Kostochakov). According to the cognitive-semantic classification of ethnocultural markers, there are two types of sonomimemes — explicit and implicit. Explicit sonomimemes are expressed by Shor lexical units and directly distinguish themselves on the Russian-speaking background. They function as conventional onomatopoeia and as occasional acousto-symbolic formations of the Shor language, as contaminations of Russian and Shor language units. Implicit sonomimemes are expressed by lexical units of the Russian language and are found in the Russian texts only with regard to the context and in the presence of special background knowledge. They are occasional lexical units of the Russian language, and are also the subject of a metalinguistic expression in the characters' speech.

Keywords: Russian-language text, Shor literature, literary bilingualism, ethnocultural markers, sonomimemes.

For citation

Kositsina Yu. V. Sonomimemes as Ethnocultural Markers in Shor Russian-Language Prose. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 3: 71–78 (In Russ.).

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 14.06.2023.